УДК 94(47).084

В. Ю. Черняев

Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения

Эмиграция из советской России и СССР, границы разных ее волн, их взаимоотношения, а также мотивы, обстоятельства и последствия репатриации таят в себе много вопросов, вызывающих научные споры. Свидетельство тому Международная научная конференция Слепухинские чтения: «Эмигранты и репатрианты XX века. Тема Родины и возвращения», которая состоялась 23–25 октября 2014 г. в Санкт-Петербурге. Заседала она в первый день в театральном зале Всероссийского музея А. С. Пушкина, во второй — в его филиале, музее-усадьбе Г. Р. Державина, в третий — в музее-усадьбе «Рождествено» (Гатчинский район Ленинградской области, в полутора часах езды от Санкт-Петербурга).

Чтения названы в память писателя Юрия Слепухина (настоящее имя — Юрий Григорьевич Кочетков, 1926–1998), в судьбе которого отразилась проблема эмиграции и репатриации. Вторая мировая война занесла в 1943 г. его семью из Ставрополя в Германию. В Эссене Юрий был остарбайтером трудового лагеря «Шарнхорст», потом батрачил в помещичьей усадьбе. В марте 1945 г. освободители-англичане отправили всю семью в советский лагерь Ди-Пи (перемещенных лиц) в Бельгии. Не желая депортации в СССР и репрессий, Кочетковы сумели бежать и сменить фамилию на Слепухины. В Брюсселе Юрий Слепухин вступил в Народно-Трудовой Союз (НТС).

В 1947 г. Слепухины переехали в Буэнос-Айрес. Чтобы выжить, Юрий сменил много профессий — от строителя и автомеханика до дизайнера-ювелира, что не помешало ему активно включиться в жизнь большой тогда русской колонии. Он вошел в руководство Южно-Американского отдела НТС, печа-

тался в эмигрантской прессе, писал повести и роман. НТС он покинул в 1955, а в 1957 г. русскую колонию Буэнос-Айреса взбудоражила весть: Ю. Слепухин с сестрой и матерью уплыл в СССР.

В 1958 г. семья перебралась из Воронежа в Ломоносов (Ораниенбаум), тогда полувоенный городок близ Ленинграда, напротив Кронштадта, закрытый для иностранцев. На родине Ю. Г. Слепухин стал профессиональным писателем, с 1962 г. — членом Союза писателей СССР (с 1992 — Санкт-Петербурга). Он автор 10 романов, 3 повестей, множества очерков, статей[1], с 1968 г. жил и умер в собственном доме во Всеволожске, дачном предместье Петербурга. Имя Ю. Г. Слепухина носят улица и центральная библиотека Всеволожска и Литературное объединение Дома ученых им. М. Горького в Санкт-Петербурге, где в течение 30 лет руководил он секцией прозы. С августа 2011 г. действует Благотворительный фонд им. Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги — библиотекам» (председатель Совета фонда — член Союза писателей Санкт-Петербурга М. С. Глинка, генеральный директор — вдова писателя Н. А. Слепухина, председатель Попечительского совета фонда — М. Н. Толстой).

Организаторы Слепухинских чтений: Фонд им. Ю. Г. Слепухина, Всероссийский музей А. С. Пушкина, Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Российская национальная библиотека, Союз писателей Санкт-Петербурга при поддержке Комитетов по культуре и по печати и связям с общественностью Ленинградской области, Администрации Всеволожска. Председатель Оргкомитета профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусств П. Н. Базанов, члены: директор ИРЛИ член-корреспондент РАН В. Е. Багно, директор музея «Исаакиевский собор» Н. В. Буров, М. С. Глинка, председатель Комитета по культуре Ленинградской области Н. Г. Кононенко, генеральный директор РНБ А. В. Лихоманов, директор Всероссийского музея А. С. Пушкина С. М. Некрасов, председатель Союза писателей Санкт-Петербурга В. Г. Попов, депутат Законодательного собрания Ленинградской области Н. И. Пустотин, председатель Комитета по делам печати Ленинградской области А. А. Радин, Н. А. Слепухина (РНБ), ее сестра, заслуженный работник культуры РФ М. А. Шапарнева (РНБ), М. Н. Толстой, член Совета Союза писателей Санкт-Петербурга Е. П. Щеглова.

На пленарном заседании после приветственных слов С. М. Некрасова, Н. В. Бурова, А. Н. Кирпичникова, М. С. Глинки и Н. А. Слепухиной заслушали два доклада. Профессор МГУ З. С. Бочарова (Москва), говоря о проблеме репатриации на страницах эмигрантской печати 1920-х гг., отметила, что в советской России как и в царское время эмиграцию рассматривали негативно. В свою очередь эмигранты считали настоящими патриотами тех, кто в эмиграции, кто унес Родину на подошвах сапог. «Пока там Эсэсэрия — Россия здесь», — писала

[1] О войне и эмиграции см. *Слепухин Ю. Г.:* 1) Ничего кроме надежды: роман. СПб., 2000; 2) У черты заката; Южный крест: романы. СПб., 2011; 3) Джоанна Аларика. Государева крестница. Пантократор. Частный случай. Не подводя итогов. СПб., 2011. О нем: Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сб. статей и материалов. СПб., 2012.

З. Н. Гиппиус в Париже. Противостоя советской репатриации, к которой призывали сменовеховцы и «Союзы возвращения на родину», эмигранты жили надеждой вернуться в Россию и спорили об условиях возвращения. В советской России репатриантов после допроса в фильтрационной комиссии реабилитировали либо репрессировали.

О своих встречах с выдающимися представителями первых двух волн русской эмиграции рассказал филолог-славист Ренэ Герра (Франция, Ницца)[2]. Хотя во Франции среди интеллектуалов преобладали левые и карьере слависта вредило общение с русскими эмигрантами, Р. Герра был литературным секретарем писателя Бориса Зайцева и близко знал многих эмигрантов обеих волн. Созданная 1-й волной Зарубежная Россия сумела сберечь достояние русской культуры, выброшенное за пределы СССР. По словам А. М. Ремизова, эмиграция жила в ожидании, когда, наконец, это безобразие кончится. Не для всех во 2-й волне отъезд был вынужденным, но всех их Сталин считал заслужившими вечной ссылки, если не пули. Большинство эмигрантов 2-й волны — это люди советской формации, сказались 20 лет «советчины». У 2-й волны уже проявлялась так называемая «совковость» (исключения редки), но она несла новые настроения и советский опыт, порой опыт ГУЛага (Юрий Трубецкой, Борис Ширяев), и оказалась не так наивна, как эмигранты 1-й волны. Сначала 1-я волна встретила 2-ю с предубеждением, мол, «из совдепии», но потом дискриминации не было. Вопрос разделения этих волн не так прост. Попавшие после Второй мировой войны на Запад русские писатели из Латвии, Эстонии, Литвы, Югославии (Лидия Алексеева, Юрий Иваск, Дмитрий Кленовский, Борис Нарциссов, Александр Неймирок, Ирина Сабурова и др.) не были людьми советской формации. 1-я волна сразу увидела в них своих, и правильнее отнести их к ней. Началом 3-й волны, диссидентской, Р. Герра считает выход в свет журнала «Континент»[3].

Затем поочередно заседали три секции. Первая из них посвящена теме «Вторая волна эмиграции. Юрий Слепухин». На основе своей новой книги[4] заслуженный деятель науки РФ, профессор Института международного права и эко-

[2] См.: *Герра Р.*: 1) Жаль русский народ. М., 1992; 2) Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты — писатели и художники во Франции, 1920–1970. СПб., 2003; 3) Б. К. Зайцев — последний классик русской литературы. СПб., 2009; 4) Семь дней в марте. Беседы об эмиграции с А. Ваксбергом. СПб., 2010; 5) «Когда мы в Россию вернемся». СПб., 2010; и др. О нем: *Звонарева Л.* Серебряный век Ренэ Герра. СПб., 2012.

[3] Литературный, публицистический и религиозный журнал «Континет» выходил с 1974 г. в Мюнхене как орган освободительного антикоммунистического движения. Основатель и до 1992 главный редактор — эмигрант с 1974, писатель Владимир Максимов (Л. А. Самсонов, 1932–1995). Название журналу дал А. И. Солженицын. В журнале печатались писатели В. Аксёнов, Г. Бёлль, И. Бродский, В. Войнович, С. Довлатов, Л. Копелев, В. Некрасов, А. Синявский, А. Солженицын, правозащитники В. Буковский, академик А. Н. Сахаров, богослов о. А. Шмеман, историк Р. Конквест, художник Э. Неизвестный и др. С 1992 г. издание журнала перенесено в Москву.

[4] *Агеносов В. В.* Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.; СПб., 2014.

номики им. А.С. Грибоедова, академик РАЕН (Москва) В.В. Агеносов сделал доклад «Война в творчестве писателей Ди-Пи и послевоенной эмиграции». По его наблюдениям, из 41 писателя Ди-Пи лишь 15 писали о войне, притом с уважением к Красной Армии. Полемизируя с Р. Герра, В.В. Агеносов высказал мнение, что дипийцы-писатели Ирина Сабурова и Александр Неймирок себя относили ко 2-й волне эмиграции. Однако с этим трудно согласиться, ведь они изначально эмигранты 1-й волны[5].

По материалам архивов США и Германии профессор Уральского федерального университета А.В. Антошин (Екатеринбург) представил доклад «Рядом с Ю. Слепухиным: русские солидаристы в Южной Америке после Второй мировой войны». Характеризуя НТС как неоднозначную, сложную организацию, он отметил, что реальная эмигрантская повседневность не вписывалась в программу НТС. У тех в НТС, кто считал, что без войны они растеряют кадры, война в Корее 1950–1953 гг. вызвала всплеск энтузиазма, надежды, что она перерастет в Третью мировую. Осознав, что это — мираж и самообман, «профессиональные революционеры» мечтали уехать в Европу или США, а рядовые солидаристы, утратив интерес, покидали организацию. Именно в этом докладчик видел объяснение ухода Ю.Г. Слепухина из организации НТС в Аргентине, где остались 5–6 человек.

На основе мало кому доступных ведомственных документов КГБ профессор Б.Н. Ковалёв (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Новгородское отделение) рассказал о Борисе Филиппове (настоящая фамилия Филистинский, 1905–1991). Сын царского офицера, он 9 лет сидел в концлагере в Коми АССР. Затем в оккупированном Новгороде он сам предложил немцам услуги, взял на себя роль «русского Гестапо», печатал в газете «За Родину» статьи о «зверствах англо-американцев», мешающих Гитлеру строить новую единую Европу, и т. д. КГБ завел на него 5 розыскных дел, а он с 1950 в США работал на «Голосе Америки», был видным издателем, литературоведом, прозаиком, поэтом[6]. В 1989 г. в СССР его реабилитировали[7].

---

[5] Сабурова (урожд. Куритонская, в 1-м браке Перфильева, во 2-м баронесса Розенберг) Ирина Евгеньевна (1907–1979) — журналистка, прозаик, поэт. Уроженка Риги, в 1933–1940 — редактор еженедельника «Для всех» и сотрудница газеты «Сегодня». В 1944 пешком ушла из Риги в Германию, затем оказалась в лагере Ди-Пи. В 1976–1979 гг. секретарь редакции журнала «Голос зарубежья» (Мюнхен). Неймирок Александр Николаевич (1911–1971) — поэт, прозаик, критик, псевдонимы Николин, Немиров. Увезен родителями в Югославию, с 1930 — член НСНП (НТС). В 1942 за вербовку в НТС в Киеве арестован гестапо. В 1945 освобожден американцами. В лагере Ди-Пи Менхегоф. В 1951–1961 гг. — сотрудник издательства «Посев», в 1955–1966 гг. член редколлегии журнала «Грани». В 1962–1971 гг. сотрудник радио «Свобода».

[6] *Филиппов Б.*: 1) Живое прошлое. Литературные очерки. В 2 кн. Washington, 1965, 1973; 2) Ленинградский Петербург в поэзии и прозе (эссе). Изд. 2-е. Paris, 1974; 3) Шкатулка с двойным дном. Washington, 1977; 4) Мысли нараспашку. В 2 кн. Washington, 1979, 1982; 5) Избранное. London, 1984 и др.

[7] Подробнее см.: *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.

В докладе «Проблемы послевоенной репатриации из Италии» историк-краевед М. Г. Талалай (Италия, Милан) отметил, что «монголами» итальянцы называли коллаборационистов, выходцев из Средней Азии и Кавказа. Когда же те переходили к партизанам, то становились для итальянцев «русскими». Особое внимание он уделил творчеству Бориса Ширяева (1889–1959): узник Соловков; в дни немецкой оккупации редактор газеты «Ставропольское слово» («Утро Кавказа»), капитан Русской Освободительной Армии генерала А. А. Власова, сотрудник газеты «Голос Крыма» и журнала «На казачьем посту». С февраля 1945 г. он жил и умер в Италии. Его книги переиздают в России[8]. Эмигрант 2-й волны, но по мировоззрению он ближе к 1-й.

М. В. Шкаровский (ЦГИА Санкт-Петербурга) показал сложный путь возвращения с Балкан на родину русских церковных эмигрантов после Второй мировой войны. К концу ее на Балканах, прежде всего в Югославии и Болгарии, осталось около 20 русских церковных общин. В 1945 г. они перешли из юрисдикции Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) в состав особых благочиний Московского Патриархата, большинство прихожан взяли советское гражданство. В отношении священнослужителей репатриационная политика советских властей отличалась от общей линии. Если прочих эмигрантов всячески побуждали к репатриации, то священнослужителей советские власти старались не впускать, опасаясь усилить Московский Патриархат. Даже обладателям советского паспорта Патриарх Московский не мог помочь. Социалистическая Югославия смотрела на этих священников враждебно как на белогвардейцев, и многие уехали на Запад и вернулись в лоно РПЦЗ. К середине 1950-х гг. осталось лишь по одному русскому приходу в Белграде и Софии, которые существуют и ныне.

Об эволюции репатриации на примерах ряда судеб эмигрантов двух первых послереволюционных волн рассказала бывшая ленинградская учительница русского языка и литературы, писательница С. Е. Арро (Германия, Франкфурт-на-Майне). Исторические практики реадаптации репатриантов на примере отражения послевоенной репатриации петербуржцев из Южной Америки рассмотрела профессор М. Н. Мосейкина (Москва, Российский университет дружбы народов).

Прозвучали в секции и литературоведческие доклады. О теме возвращения на Родину в творчестве Ю. Г. Слепухина в контексте судеб и творчества не вернувшихся писателей говорил заслуженный работник Высшей школы РФ, член Союза писателей Санкт-Петербурга В. М. Акимов (Санкт-Петербург). «Как наблюдать за Сталиным? Исторические реалии и концепция Ю. Г. Слепухина» назывался доклад М. Ф. Ершова (Ханты-Мансийск). Анализируя повесть Ю. Г. Слепухина «Пантократор», он сделал вывод, что эксперимент становится господином над тем, кто его проводит.

[8] *Ширяев Б. Н.*: 1) Неугасимая лампада. (NY, 1954; М., 1991); 2) Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол (Буэнос-Айрес, 1952; СПб., 2014); 3) Италия без Колизея: Сб. очерков. СПб., 2014.

Особенности восприятия Родины и способы создания ее образа в прозе второй волны русской эмиграции рассмотрела заведующая сектором Российской государственной библиотеки М.Е. Бабичева (Москва). Профессор Северо-Кавказского федерального университета О.К. Страшкова (Ставрополь) представила доклад «Между двух истин: судьба казаков-эмигрантов в трилогии Владимира Бутенко “Казачий алтарь”»[9].

Работу секции «Родина, эмиграция, реэмиграция» открыл доклад О.Р. Демидовой (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина) «Эмиграция и репатриация, век двадцатый: антропология, аксиология, прагматика». В нем предпринята попытка философского типологического анализа портрета эмиграции и выделены три периода репатриации: 1) стихийный и по убеждению в 1920–1921 гг.; 2) вызванный переоценкой ценностей в 1930-е; 3) под влиянием Второй мировой войны, пик в 1945.

Е.М. Миронова (Институт всеобщей истории РАН) устроила презентацию сборников статей, изданных под ее редакцией институтом вместе с Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом[10]. Затем она рассказала, как русские дипломаты, не признав большевистской власти, формировали условия выживания эмигрантов 1-й и 2-й волн.

В докладе об А.А. Пешехонове Е.И. Белова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет — СПбГЭУ) отметила, что он принципиально остался в России, где, как ему казалось, началось пробуждение к жизни. Свою высылку за рубеж осенью 1922 г. он воспринял как оскорбительный удар. Его зарубежная жизнь складывалась удачно, но он умолял власти СССР позволить вернуться на Родину.

Ярок и интересен был блок докладов о судьбах русских в Китае. Взаимодействию русской и китайской культур в творчестве харбинских русских поэтов посвятила свой доклад «Чужой или Другой? Китайский след в творчестве восточной эмиграции» профессор Ли Иннань (Китай, Институт русского языка, Пекинский университет иностранных языков). Исходя из различия понятий «Чужой» (допускающее превращение в образ врага) и «Другой» (допускающее сближение при сохранении собственной инаковости), Ли Иннань показала, что китайскую культуру эти поэты лишь начали осваивать. «Чужесть» Китая они порой ощущали в его нищете, грязи и в собственном страхе утратить русскость, оказаться поглощенными чужой культурой. Сильно различалось восприятие. Так, в русском фольклоре Дракон — зло, а для китайца — символ величия и мощи Китая. В то же время русские сочувствовали несчастью нищих китайцев, фанзу называли хатой. Мостик к «другому» меняет нас самих, подчеркнула Ли Иннань. Стремление через уподобление войти в иной мир стирает грань между своим и другим.

[9] *Бутенко В.П.* Казачий алтарь. М., 2006. Бутенко Владимир Павлович (р. 1952) — автор повестей, рассказов, песен, редактор альманаха «Литературное Ставрополье», дважды лауреат премии губернатора Краснодарского края.

[10] Люди и судьбы Русского Зарубежья. Вып 1, 2. М., 2011, 2014.

В. Г. Шаронова (Центр комплексного изучения российской эмиграции ИНИОН РАН, жена генерального консула России в Шанхае) в докладе о петербуржцах в Шанхае отметила, что заботами В. Ф. Гроссе еще в 1917 г. там был построен и открыт Дом русской колонии. В 1919 в ней насчитывалось уже 1600 человек. Кают-компанию возглавил контр-адмирал С. Н. Тимирев (1875–1932, Шанхай), храм-памятник Николаю II и пр. построил военный инженер и архитектор А. И. Ярон (1935–1935, Шанхай). Оба — петербуржцы, могилы их утрачены. В 1924 г. китайцы отдали Дом русской колонии консульству СССР. Уходя, казаки побили стены, порубили колонны, сняли с фасада старый герб (ныне в Музее-архиве Русского центра русской культуры Сан-Франциско).

В докладе «Неизвестные подруги Вертинского» М. Н. Толстой (Санкт-Петербург; Сан-Франциско) рассказал, как поиск личных архивов соотечественников в Сан-Франциско позволил выявить три неопубликованных автографа-посвящения А. Н. Вертинского шанхайского периода. Фотографии и газетно-журнальные вырезки семейного архива позволили выяснить биографии адресатов этих автографов. Ими оказались мать и две дочери Барсамовы — эмигрантки 1-й волны. Они проделали путь от Москвы в Шанхай через Харбин. Одна из дочерей — «мисс кинокоролева Шанхая 1933 г.». Документы Музея-архива Русского центра Сан-Франциско дают дополнительные штрихи к образу Вертинского в Русском Шанхае.

Тему продолжила Е. Н. Наземцева (Москва, Институт военной истории Академии Генштаба). Китай не признал Нансеновский паспорт и до 1949 г. не имел внятной политики в отношении русских эмигрантов. Въезд им в Харбин к 1920 г закрыли. Почти 400 тыс. беженцев жили в лагерях вдоль линии КВЖД. Стремлению НКИД СССР ускорить их репатриацию противостояли НКВД и ОГПУ, требуя согласования с другими ведомствами.

М. В. Кротова (СПбГЭУ) отметила, что к отъезду из Шанхая, Тяньцзиня, Маньчжурии (базы Компартии Китая) русских побуждали массовая безработица и приход к власти коммунистов. В Японию не впускали, в США, Канаду попасть было сложно. Некоторые вышли из советского гражданства для отъезда в Чили, Бразилию. Тех, кто виз не дождался, маоисты выдавливали в СССР. Советский паспорт реэмигранты получали в упрощенном порядке, а на родине большинство ожидали концлагерь либо расстрел.

Е. П. Щеглова (Санкт-Петербург, Российский институт истории искусств) посвятила выступление уникальной личности и творчеству писательницы Наталии Ильиной (1914–1994), потомственной дворянки. В докладе сказано, что с 1920 г. Наталия жила в Харбине, где получила образование, затем была журналисткой в Шанхае, с 1941 г. сотрудницей ТАСС. Под влиянием А. Н. Вертинского в конце 1947 г. она репатриировалась, окончила Литературный институт в Москве, писала романы об эмиграции, близко знала А. А. Ахматову, К. И. Чуковского, выступала со смелыми статьями о подкупе в литературе, о критиках-лизоблюдах. К сожалению, докладчица игнорировала иные опубликованные

точки зрения. На радио Шанхая Н. И. Ильина славила японскую оккупацию Китая, а за ее деятельность в СССР А. А. Ахматова наградила ее прозвищем «штабс-капитан Рыбников»[11].

Элеонора Иоффе (Финляндия, Хельсинки) показала, что географическая близость Петербурга и Финляндии долго была основой обоюдоострой проблемы. В менталитете финляндцев «Петербургский синдром» в его отрицательном варианте жив и ныне. У молодых русских эмигрантов-монархистов, особенно петербуржских корней, неустроенность, сложности интеграции в финское общество способствовали появлению «Петербургского синдрома», непреодолимой тяги в Петербург. Но там произошла подмена имени, понятий, системы ценностей. Поэтому возникла потребность спасать Петербург от большевиков. Из организованных с этой целью акций успешен был лишь взрыв в партклубе на Мойке в июне 1927 г. Показательные суды 1927 г. в Большом зале Ленинградской филармонии (летом — по делам 26 участников шпионской организации и в сентябре — 5 монархистов-террористов) стали широко разрекламированной репетицией Большого террора.

В. И. Косик (Москва, Институт славяноведения РАН) дал яркий анализ темы Родины в поэзии, живописи, театре русских эмигрантов на Балканах. Театр для них, подчеркнул он, служил возможностью уйти в иную реальность. В Белграде за 20 лет поставили около 40 русских спектаклей.

О театральной деятельности актрисы Елены Полевицкой (1881–1973) говорила М. Г. Литаврина (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова). Популярная актриса в марте 1920 выехала с ансамблем Ю. И. Юровского на гастроли в Софию. Восхищенный ее игрой царь Борис наградил ее «Дамским крестом III ст.». Затем она в Берлине играла в театре на немецком языке, снималась в кино, в 1923–1925 гастролировала в СССР, с 1935 жила в Эстонии, в 1939 вернулась в Берлин, с 1943 выступала в Вене в Бургтеатре и на радио. После репатриации в 1955 г. она 2½ года работала в Театре им. Е. Вахтангова. Затем для нее двери театров закрылись навсегда.

О личности писательницы и художницы Ольги Бредиус-Субботиной (1904–1959), дочери священника из Углича, с 1923 эмигрантки, последовательницы философа И. А. Ильина, о любви ее и писателя Ивана Шмелева[12] говорила Н. А. Родионова (Москва, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»). Верная жена голландца, она старалась сберечь в чуждой среде ценность русской православной культуры.

[11] Об этом см.: *Герра Р.*: 1) Репатрианты. Странная судьба «возвращенки» Наталии Ильиной // Русскій міръ. Пространство и время русской культуры. Альманах. СПб., 2010, № 3. С. 127–135; 2) Репатрианты. Странная судьба «возвращенки» Наталии Ильиной // Русская литература. 2011. № 2. С. 265–270.

[12] См. кн.: И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах. В 2 т. / Сост. Л. В. Хачатурян. М., 2003.

Ведущую роль В. Ф. Булгакова[13] в создании Русского культурно-исторического музея в Праге, печальную судьбу коллекций этого музея и обстоятельства возвращения их создателя на родину были освещены в докладе И. В. Щеблыгиной (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова).

Эмиграции и реэмиграции художника Василия Шухаева (1887–1973) посвятила доклад профессор Е. П. Яковлева (РГПУ им. А. И. Герцена)[14]. Сын сапожника, выпускник Строгановского училища в Москве и Академии художеств в Петербурге, он в январе 1920 с женой, художником Иваном Пуниным и его женой ушел по льду Финского залива в Финляндию. Там 19 июля он получил разрешение свободного проезда за границу и в 1921 уже участвовал в выставке «Мира искусства» в Париже. После общения с композитором С. С. Прокофьевым он решился в 1935 г. ехать в Ленинград, в Академии художеств получил работу и мастерскую, но в январе 1937 г. вместе с женой был арестован, осужден на 8 лет концлагерей. 10 лет провел он в Магаданском крае на лесоповале, затем оформителем сцены в Магаданском театре. Выпустили в 1947 г., сломленным. Доживал в Тбилиси, где в 1948 г. вновь арест, несколько месяцев тюрьмы. Реабилитирован в 1956 г.

Секцию 3 посвятили теме «Эмиграция и репатриация: Санкт-Петербург и Ленинградская область». Описывая завершение процесса возвращения наследия Рерихов[15] на родину, В. Л. Мельников (Санкт-Петербург, Музей-инсти-

[13] Булгаков Валентин Федорович (1886–1966) — литератор, с 1910 — последний секретарь графа Л. Н. Толстого, затем директор Музея Толстого в Москве. В марте 1923 г. выслан за рубеж. В 1924–1927 гг. председатель Союза русских писателей в Чехословакии. Секретарь музейной комиссии и в 1935–1940 и 1945–1948 гг. директор Русского культурно-исторического музея в Збраслове (пригород Праги). В 1941–1945 гг. — в немецком концлагере. В 1948 г. — репатриант, хранитель музея «Ясная Поляна», где жил и умер.

[14] Е. П. Яковлева — научный редактор кн.: *Элизбарашвили Н.* Василий Шухаев: Жизнь и творчество. М., 2010.

[15] Рерих Николай Константинович (1874–1947, Кулу, Индия) — с 1908 г. академик Императорской Академии художеств. В 1910–1918 гг. — председатель Общества «Мир искусства». С 1918 г. в Финляндии, Швеции, с 1919 г. в Лондоне, с 1920 г. в США, с 1923 г. в Индии, откуда совершал экспедиции. О нем см.: *Шишкин О.А.:* 1) Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999; 2) Посланник Шамбалы. М., 2005.
Рерих (урожд. Шапошникова) Елена Ивановна (1879–1951, Калькутта) — правнучка фельдмаршала М. И. Кутузова, с 1901 г. жена Н. К. Рериха, поэтесса (псевд. Наталья Рокотова), педагог. С 1918 г. с мужем в эмиграции. Руководила обществами учений Живой этики, основала неотеософское учение.
Рерих Владимир Константинович (1882–1951, Харбин) — средний брат Н. К. Рериха. Биолог. В Гражданскую войну офицер Белой Армии в Сибири, Туркестане, Монголии. Эмигрант, служил в земельном отделе КВЖД в Харбине.
Рерих Борис Константинович (1885–1945, Москва) — младший брат Н. К. Рериха. Художник-архитектор. После 1917 г. — на ответственных педагогических и строительных должностях. В 1926 г. помог брату Николаю готовить Центральноазиатскую экспедицию. В 1931 г. арестован, осужден на 3 года. Сидя во Внутренней тюрьме на Литейном проспекте, участвовал в создании здания ленинградского «Большого дома». В 1933 г. освобожден досрочно, без поражения в правах. Архитектор-строитель. С 1939 г. жил

тут семьи Рерихов) отметил, что русское рассеяние наполнило Землю своим культурным семенем. Н. К. Рерих внес деньги на армию Юденича, но позднее сменил позицию и, в отличие от брата Владимира, не противостоял большевикам, хотя в Монголии, где бывала его экспедиция, уничтожено 700 тыс. буддистов и 30 тыс. храмов. В прошлом он искал будущее своей родины. Его сын Святослав передал России наследие семьи (произведения искусства, архив, библиотеку), но сам возвращаться и не думал.

Наименее известная страница истории Ленинградской области, подчеркнул П. Н. Базанов, это судьба русской эмиграции в 1918–1940 гг. Тогда часть Карельского перешейка принадлежала Финляндии, а Ивангород и окрестности оказались в Эстонии. Эмигрантами стали коренные жители и дачники тех мест и беженцы от власти большевиков. Среди них были писатели Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, А. В. Амфитеатров, И. В. Северянин, художники И. Е. Репин, Н.К Рерих, Б. Д. Григорьев, И. А. Пуни, ученые профессора А. В. Карташов, П. Б. Струве, Н. С. Тимашев, Б. П. Сильверсван, С. Г. Елисеев, В. В. Чернавин и др. выдающиеся соотечественники.

Рассматривая судьбы русских художников-репатриантов, лауреат Анциферовской премии Д. Я. Северюхин (Санкт-Петербург, Фонд им. Д. С. Лихачева) отметил: из 1,5 тыс. художников репатриировались лишь около 60 (примерно 3 %). Репатриантов было три потока: 1-й — вторая половина 1930-х, из Европы; 2-й — связан со Второй мировой войной на Востоке и на Западе; 3-й — из Китая и Западной Европы, особенно из Франции в первые послевоенные годы. Большинство художников-репатриантов не смогли вписаться в художественную жизнь СССР, примерно половину из них репрессировали. Лишь единицы добились, как И. Я. Билибин, известности. Подробно о художниках-репатриантах можно узнать на уникальном сайте «Искусство и архитектура Русского зарубежья», созданном под эгидой Фонда им. Д. С. Лихачева (авторы проекта Д. Я. Северюхин и О. Л. Лейкинд).

Самый молодой докладчик, С. В. Степанов (Санкт-Петербург, Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского) рассказал о малоизвестном писателе и публицисте Николае Николаевиче Карпове (1877–1942). Петербуржец, потомственный дворянин, с 1910-х житель Гатчины, издатель

в Москве. В войну переписывался с братом Николаем (*Моргачева Т.* В. К биографии Б. К. Рериха // Вестник Мемориала. СПб., 2001. № 6. С. 258–261).

Рерих Юрий Николаевич (1902–1960, Москва) — старший сын Н. К. Рериха, лингвист, востоковед, тибетолог и буддолог. С отцом в эмиграции и его экспедициях. В 1928–1939 гг. — директор Института гималайских исследований «Урусвати». Член Королевского Азиатского общества в Лондоне и Азиатского общества в Бенгалии. С 1957 г. в Москве старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Рерих Святослав Николаевич (1904–1993, Бангалор) — младший сын Н. К. Рериха, ботаник лекарственных растений, художник. С отцом в эмиграции. В 1928–1939 гг. — вице-директор Института гималайских исследований «Урусвати». В 1937 г. — соучредитель Русского культурно-исторического музея в Збраслове (пригород Праги). С 1978 г. — почетный член Академии художеств СССР. С 1991 г. президент Международного центра Рерихов.

журнала «Приорат», он стал помощником А. И. Куприна в белой газете «Приневский край» (Гатчина–Нарва, 1919–1920). Они вместе с Северо-Западной армией ушли в Эстонию. Там он сотрудничал в русских газетах и журналах, входил в Комитет русских эмигрантов в Таллине, а с 1930 г. жил и умер в Бельгии.

В завершение конференции М. С. Глинка провел презентацию эрмитажной серии книг «Хранитель», рассказал о родословной своего дворянского рода, где есть декабрист, великий композитор, эмигранты, а также поделился воспоминаниями о встречах с В. В. Шульгиным.

Сборник материалов международной конференции Слепухинские чтения «Эмигранты и репатрианты» будет издан. Конференция показала, что тема репатриации в СССР беженцев, изгнанников и эмигрантов актуальна и еще долго суждено ей оставаться на острие научных и политических споров.